

Развитие вспомогательной репродукции и концептуальный кризис в установлении материнства

Елена Е. Богданова✉

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Российская Федерация

Аннотация

В настоящее время в семейном праве наблюдается кризис в формировании целостной и внутренне непротиворечивой доктрины родительства в целом и материнства в частности. Существуют отдельные элементы научных представлений относительно особенностей установления материнства при применении методов вспомогательной репродукции, которые, однако, не способны выстроить логически последовательную систему выводов и рекомендаций в данной области. Можно признать, что юридическая наука отстает в формировании концепции материнства и вынуждена заимствовать знания других отраслей науки. Цель статьи заключается в подробном исследовании трансформации института материнства в семейном праве под воздействием развития биомедицинских технологий. Юридическая проблема материнства является многоаспектной, в связи с чем для достижения поставленной цели автору необходимо было решить ряд задач, среди которых — установление критериев материнства и определение правового статуса матери; выявление особенностей защиты прав и интересов рожденного ребенка; исследование особенностей влияния методов вспомогательной репродукции при установлении материнства и др.

На основе проведенного исследования был сделан вывод о том, что развитие биомедицинских технологий и необходимость учета эволюции института семьи вызывают потребность в новой парадигме родительского правоотношения, в которой права как социального родителя, так и биологического могли бы быть надлежащим образом признаны и определены.

Таким образом, родительство в целом и материнство в частности представляли бы собой юридически признанные отношения, сформированные в основном из намерения субъектов признавать себя родителем конкретного ребенка.

✉Email: eebogdanova@msal.ru

Ключевые слова: семейное право, защита прав ребенка, правовой статус матери, вспомогательные репродуктивные технологии, установление материнства, суррогатное материнство, социальное родительство, родительское правоотношение

Для цитирования: Богданова, Е.Е. (2024). Развитие вспомогательной репродукции и концептуальный кризис в установлении материнства. *Lex Genetica*, 3(4), 46–66. <https://doi.org/10.17803/lexgen-2024-3-4-46-66>

Received: 10.11.2024

Revised: 05.12.2024

Accepted: 11.12.2024

Development of Assisted Reproduction Technologies and Conceptual Crisis in Establishing Motherhood

Elena E. Bogdanova✉

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

Аннотация

At present, family law lacks a coherent doctrine of parenthood, in general, and maternity, in particular. The existing ideas pertaining to issues of establishing legal maternity in the context of assisted reproduction technologies fail to provide a logically consistent system of conclusions and recommendations in this area. The current legal science is lagging in the development of a concept of maternity, having to borrow knowledge from other branches of science.

In this article, the author examines the ongoing transformation of the institution of maternity in family law under the influence of biomedical technologies. In terms of legal representation, maternity is a multidimensional issue. In this connection, the author formulates a number of research tasks, including establishment of (1) maternity criteria and the legal status of the mother, (2) specific features in the protection of rights and interests of the born child, and (3) influence of assisted reproduction technologies when determining maternity.

The author concludes that the development of biomedical technologies and evolution of the institution of the family are driving the need for a new paradigm of the parental legal relationship. In this paradigm, the rights of both social parent and biological parent could be properly recognized and defined. Hence, parenthood, in general, and motherhood, in particular, would be a legally recognized relationship formed from the intention of the subjects to recognize themselves as parents of a particular child.

✉Email: eebogdanova@msal.ru

Keywords: family law, protection of children's rights, legal status of the mother, assisted reproductive technologies, establishment of motherhood, surrogacy, social parenthood, parental legal relations

To cite this article: Bogdanova, E.E. (2024). Development of Assisted Reproduction Technologies and Conceptual Crisis in Establishing Motherhood. *Lex Genetica*, 3(4), 46–66. <https://doi.org/10.17803/lexgen-2024-3-4-46-66>

Received: 10.11.2024

Revised: 05.12.2024

Accepted: 11.12.2024

Введение

Установление происхождения ребенка является одним из значимых вопросов семейного и гражданского права, определяющим основание родительского правоотношения. Все большее значение приобретают социальные, а не биологические аспекты родительства, в том числе вопросы формирования семьи, определения родительской ответственности.

Так, в настоящее время лица, воспитывающие детей, с которыми они не связаны биологическим (генетическим) родством, во все большем количестве случаев рассматриваются как законные родители. Признание небιологических связей между родителями и детьми происходит все чаще, включая семьи, образованные с помощью вспомогательной репродукции. Следует признать, что вместо того, чтобы распространять на небιологических родителей процедуру усыновления, семейное законодательство разработало принцип родительского признания, который в большей мере учитывает социальные критерии, по существу признавая лицо родителем, когда оно выступает в качестве родителя для ребенка, а ребенок рассматривает его как родителя.

Следует признать, что исторически право старалось больше сформулировать критерии установления отцовства, нежели материнства. Законодательство предусмотрело различные презумпции для решения этого вопроса (Horsey, 2017, с. 456). Так, в отношении супружеской пары муж женщины считается законным отцом рожденного в браке ребенка (п. 2 ст. 48 СК РФ). В случаях, если женщина стала матерью вне брака, отец ребенка признается таковым, если была доказана генетическая связь (происхождение) между ребенком и его отцом.

Поэтому пока в фокусе внимания права оставался вопрос об отцовстве, проблема установления материнства разрешалась значительно проще: законной матерью признавалась женщина, родившая ребенка. Учитывая, что мать ребенка передавала ему свой генетический материал, материнство оспаривалось редко и судебная практика демонстрировала в этом вопросе достаточное единообразие (п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»)¹.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216881/

Однако достижения в области репродуктивных технологий привели к изменению сложившейся ситуации в отношении установления материнства. В настоящее время возможны случаи, когда две (иногда и три) разные женщины могут претендовать на то, чтобы быть законными матерями одного ребенка. На данный момент законодательство в значительной мере отстает от достижений в области биомедицины и генетики в части правового регулирования ставших актуальными проблем установления материнства.

Например, метод митохондриального переноса предполагает рождение ребенка при участии более двух человек. В 2015 г. парламент Великобритании принял соответствующий закон, разрешающий применение данного метода. При помощи такой процедуры рождается ребенок, который будет нести ДНК трех родителей: ядерная ДНК будет складываться из ДНК отца и матери, а митохондриальная ДНК будет предоставлена донором яйцеклетки, то есть в данной ситуации при рождении ребенка будут генетически участвовать две матери (Mills, 2021, с. 509–511).

В этой связи следует признать, что в отношении детей, рожденных с помощью вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), установление отцовства урегулировано законодательством более подробно, нежели материнство. В большинстве юрисдикций мужчина, который соглашается на искусственное оплодотворение своей супруги с использованием донорских клеток, является законным родителем рожденного с помощью данной технологии ребенка. В Российской Федерации также донор спермы не признается законным отцом рожденного с помощью его

донорских клеток ребенка. Согласно п. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ² лица, состоящие в браке и давшие свое согласие в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона, в случае рождения у них ребенка в результате применения этих методов записываются его родителями в книге записей рождений.

Развитие и доступность репродуктивных технологий в достаточной степени усложнили процесс установления именно материнства. Ни законодательство, ни судебная практика пока не выработали эффективных критериев, которые следует применять для решения данного вопроса (Ахматьянова, Сагитова, 2018, с. 320). Единобразие, существующее среди различных правовых порядков в отношении споров об установлении отцовства, связанных с применением ВРТ, не прослеживается в делах об определении материнства, когда две или более женщины претендуют на то, чтобы считаться законной матерью рожденного с помощью биомедицинских технологий ребенка.

Отсутствие критериев определения материнства вызывает существенные затруднения в применении ВРТ и в ряде случаев приводит к нарушению прав и интересов участников семейных правоотношений. Например, вызывают большой резонанс случаи, когда потенциальные родители отказываются забирать рожденных суррогатными матерями детей, вследствие чего дети оказываются в больницах, детских домах. Так, в затруднительной ситуации оказалась суррогатная мать двух генетически не родных младенцев, которых отказались забирать их потенциальные родители. Основная пробле-

² Семейный кодекс Российской Федерации, от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/

ма заключается в том, что суррогатная мать не может отказаться от детей, так как в этом случае, учитывая, что именно она их родила и признается их матерью, она обязана будет выплачивать алименты на их содержание до 18 лет или пока детей не усыновят³.

Безусловно, подобные пробелы в законодательстве необходимо устранить, так как существующая ситуация нарушает права самых слабых субъектов данных отношений – новорожденных детей, интересы которых оказываются незащищенными (Михневич, Самойлова, 2020, с. 93). В такой ситуации возникают вопросы, должны ли лица (заказчики), заключившие договор, быть признаны законными родителями, обязанными забрать ребенка? Может ли суррогатная мать также отказаться от ребенка при отказе от него потенциальных родителей? И как в этом случае защитить права ребенка?

Следует также отметить, что существующий в Российской Федерации подход к правовому регулированию отношений, связанных с применением ВРТ, характеризуется тем, что законодатель стремится ограничить круг лиц, уполномоченных на их использование, с целью охраны традиционного института семьи и естественной репродукции. «Восприятие данного подхода законодательством, а также правоприменительной практикой, может быть характерно для начального этапа развития правового регулирования отношений, складывающихся при использовании ВРТ» (Кириченко, 2011, с. 36). Данный подход находит поддержку в научных исследованиях. Так, И.А. Дикова отмечает, что «вспомогательные репродуктивные технологии не являются альтернативным способом

рождения детей. Их применение направлено на коррекцию естественной репродуктивной деятельности человека, заключающуюся в терапии бесплодия либо предупреждении рождения детей с наследственной патологией. При этом суть применения методов ВРТ состоит в имитации естественного процесса оплодотворения» (Дикова, 2008, с. 48).

В то же время в доктрине получает распространение другая точка зрения о необходимости нормативного закрепления социальных оснований применения ВРТ. Так, К.Н. Свитнев (2008) полагает: «О реально существующих в жизни социальных показаниях, когда физиологически здоровая женщина в силу разных объективных и субъективных причин не может себе позволить вынашивать ребенка, в приказе не говорится ни слова. А ведь результат, какую причину ни возьми – физиологическую или социальную, один: женщина бесплодна... Необходимо изменить это положение, позволив десяткам тысяч женщин стать матерями». В этом случае следует говорить не о физиологическом бесплодии, вызванном состоянием здоровья, а бесплодии социальном, вызванном, например, отсутствием постоянного партнера, на преодоление которого также будут направлены вспомогательные репродуктивные технологии (Працко, Арутюнова, 2017, с. 56).

С социальными показаниями связан также существующий в настоящее время феномен «отложенного материнства», когда женщина сознательно откладывает наступление беременности на более зрелый возраст. Влияние на данный процесс оказывают различные обстоятельства: система

³ Сажнева, Е. (2022, 25 мая). «Заказавшие» двойняшек родители отказались забирать их у суррогатной матери. МК. Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2022/05/25/zakazavshie-dvoynyashek-roditeli-otkazalis-zabirat-ikh-u-surrogatnoy-materi.html>

общественного труда, продолжительность получения образования и построения карьеры, изменение модели семейных отношений и др. Исследования в области социологии отмечают, что в настоящее время получившая распространение тенденция «отложенного материнства» вызвана изменением модели родительства в целом. Как отмечают авторы, «...ребенок в настоящее время не является естественным продолжением брачных отношений — деторождение воспринимается как сфера самореализации, в которой ребенок выступает в качестве сверхценности, требующей особого отношения и материальных ресурсов...» (Чернова, Шпаковская, 2023). С другой стороны, общее «старение» родительства определяет и отношение к ВРТ: чем выше уровень благосостояния, тем выше толерантность к ВРТ, тем разнообразнее ситуации, в которых женщина считает допустимым применять ВРТ (Спиридонов, Полякова, 2024, с. 78).

Таким образом, на изменение общественной модели родительства в целом и материнства в частности оказывают влияние не только развитие медицинских технологий, но и экономические, демографические, социальные и другие факторы.

Применение вспомогательных репродуктивных технологий, включая суррогатное материнство, позволяет женщине, которая не может зачать или выносить ребенка,

стать матерью. Так, в соответствии с договором о суррогатном материнстве одна женщина соглашается помочь другой выносить и родить ребенка (п. 9 ст. 55 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»⁴).

В Российской Федерации разрешено исключительно гестационное суррогатное материнство, которое подразумевает имплантацию эмбриона в матку женщины, выступающей в качестве суррогатной матери. Таким образом, суррогатная мать не имеет генетического родства с ребенком. Однако этот факт не помешал в ряде случаев оставлять ребенка у суррогатной матери, признавая ее родителем. Как в этой связи разъяснил Конституционный Суд РФ, «закондательно предусмотренное право суррогатной матери давать согласие на то, чтобы при государственной регистрации рождения ребенка его родителями были записаны генетические родители, означает имеющуюся у нее возможность в записи акта о рождении ребенка записать себя матерью ребенка, что фиксируется и в свидетельстве о его рождении (статьи 14, 17 и 23 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»⁵), обуславливая тем самым для женщины, родившей ребенка, права и обязанности матери (статья 47 Семейного кодекса РФ)»⁶.

В связи с изложенным можно заключить, что отсутствие подробного законодатель-

⁴ Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (последняя редакция). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/

⁵ Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 № 143-ФЗ (последняя редакция). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2012 г. № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния». Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-15052012-n-880-o-ob/>

ного регулирования и единообразной судебной практики относительно установления материнства подтверждает актуальность научных исследований в данной области, демонстрирующих разнообразие мнений и концепций.

Так, существует точка зрения, что стандарт определения материнства должен основываться на действиях женщины (Lewis, 2011). Как в законодательстве, так и в доктрине наиболее распространен подход, что именно женщина, родившая ребенка, является его законной матерью (Некрасова, 2019, с. 298–303). Согласно английскому законодательству матерью признается женщина, которая является беременной или родила ребенка в результате помещения в нее зародыша или спермы и яйцеклеток, и ни одна иная женщина не должна рассматриваться как мать ребенка (Закон об оплодотворении и эмбриологии человека, 2008 г., ст. 33⁷). В соответствии со ст. 47 данного Закона предусматривается дополнительное правило, что, когда женщина не родила ребенка, она может считаться его родителем в случае применения положений, касающихся родительского отношения, в качестве партнера матери или если она усыновила ребенка. Донорство яйцеклеток (ооцитов), в соответствии с английским законодательством, само по себе не делает женщину родителем ребенка, которого вынашивает другая женщина, за исключениями, определенными законом.

Установление материнства усложняется, если одна женщина рождает ребенка,

зачатого с использованием генетического материала другой женщины. В таком случае следует определить, какая из женщин должна признаваться матерью ребенка: генетическая мать или суррогатная (Алборов, 2018, с. 12).

Ряд зарубежных правовых порядков в такой ситуации отдают приоритет потенциальным (генетическим) родителям, заключившим договор. Так, в кодексе Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» (ст. 59)⁸ сказано, что «родителями ребенка, родившегося в результате применения вспомогательных репродуктивных методов и технологий, на основании договора суррогатного материнства признаются супруги (заказчики)». При этом отдельно оговорено, что в случае рождения двух или более детей супруги (заказчики) в равной мере несут ответственность за каждого родившегося ребенка. Матерью ребенка после его рождения в медицинском свидетельстве о рождении записывается супруга (заказчица), заключившая договор суррогатного материнства.

Однако в ряде стран законодательство предусматривает, что, поскольку суррогатная мать рождает ребенка, именно она должна быть признана его законной матерью. Этот подход называется гестационной теорией материнства (Horsey, 2017, с. 459). В известной степени российское законодательство также восприняло данный подход, получивший отражение в п. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ, о том, что лица, заключившие договор о суррогатном материнстве,

⁷ *Human Fertilisation and Embryology Act 2008: post-legislative assessment*. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/human-fertilisation-and-embryology-act-2008-post-legislative-assessment>

⁸ Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 05.09.2024 г.). Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31102748&pos=4;-109#pos=4;-109

могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери). То есть российский закон признает согласие суррогатной матери в качестве необходимого условия возникновения родительского правоотношения у супругов, заключивших с ней договор.

Таким образом, право учитывает, что у женщины при вынашивании и рождении ребенка формируется с ним особая связь, которая усиливается с момента имплантации эмбриона до рождения ребенка. В течение сорока недель суррогатная мать вынашивает и заботится о ребенке, в связи с чем ее нельзя рассматривать как некий инкубатор (Costin, 2001, с. 435). Поэтому при установлении материнства необходимо признавать и роль суррогатной матери, что, как отмечалось выше, подтвердил Конституционный Суд РФ⁹.

В этой связи представляет интерес позиция суда в известном споре *A.H.W. v. G.H.B.* между суррогатной матерью и биологическими родителями, в котором суд постановил, что гестационная (суррогатная) мать была законной матерью ребенка и что принуждение ее отказаться от своих родительских прав до рождения ребенка противоречит законодательству Нью-Джерси¹⁰. Суд посчитал, что женщина будет испытывать те же эмоциональные и физические изменения во время родов, что и женщина, которая родила своего биологического ребенка.

Как следствие, был сформулирован вывод, что беременность и роды являются решающими факторами при вынесении решения об установлении материнства.

Другая распространенная точка зрения основывается на том, что единственным критерием материнства должна быть генетическая связь между женщиной и ребенком. То есть именно женщина, передающая свой генетический материал ребенку, указывается в качестве его законной матери.

Следует отметить, что в большинстве случаев суды полагались на генетику для определения отцовства. Например, экспертиза ДНК в случае подобного спора используется для того, чтобы убедиться, что мужчина, признанный юридическим отцом ребенка, связан с ним и биологически.

Надо признать, что законодательство всегда учитывало кровную (генетическую) связь, предоставляя преимущества кровным родственникам в наследственных, семейных и других отношениях. Например, биологический родитель должен дать свое согласие на усыновление ребенка (ст. 129 Семейного кодекса РФ). Кроме того, особое отношение к кровным узам выразилось в очередности наследников по закону. Так, родные дети являются наследниками первой очереди, а пасынки и падчерицы – седьмой (ст. 1142–1145 Гражданского кодекса РФ)¹¹. Обоснованием такого подхода выступает то, что средний статистический человек хотел бы, чтобы предпочтение при наследовании отдавалось

⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2012 г. № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона "Об актах гражданского состояния"». Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-15052012-n-880-o-ob/>

¹⁰ *A.H.W. v. G.H.B.*, 339 N.J. Super. 495 (2000). Available at: <https://case-law.vlex.com/vid/ahw-v-ghb-890546655>

¹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ), 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

его/ее биологическим детям. В этой связи многие полагают, что критерием материнства должна выступать *генетическая связь между матерью и ребенком*.

В частности, по одному из споров, рассмотренных в США, суд постановил, что именно генетическая мать является матерью ребенка. Однако суд указал, что биологическая (суррогатная) мать также может признаваться законной матерью ребенка, если только она не предпримет шагов по прекращению своих материнских прав, чтобы другая женщина могла быть назначена законной матерью. В решении отмечалось, что женщина, которая предоставила генетический материал для ребенка, имеет преимущественные права по сравнению с женщиной, которая его родила, и в этой связи суд принял генетический тест для определения материнства в рамках соглашения о суррогатном материнстве (Dorfman, 2016).

В то же время ряд зарубежных правопорядков разделяют концепцию о том, что материнство должно определяться на основе *намерения сторон*. То есть женщина, подписавшая договор в качестве потенциального родителя и намеревающаяся стать матерью ребенка, должна признаваться его законной матерью. Так, профессор М. Шульц утверждала, что «намерения, которые добровольно выбраны, обдуманны, выражены и согласованы, должны предположительно определять юридическое родительство» (Shultz, 1990, с. 302). Однако для того, чтобы осознанное намерение возникло, все стороны должны понимать последствия намерения стать родителем. «Признание намерения стать родителем должно использоваться в качестве стабильной и последовательной основы для всех положений о статусе родителей в законода-

тельстве, регулирующем вспомогательную репродукцию» (Horse, 2017, с. 470).

Следующая проблема с установлением намерения стать родителем заключается в сложности применения такого подхода. Процедура суррогатного материнства протекает с момента имплантации эмбриона до рождения ребенка. Поэтому не совсем понятно, на какой стадии этого процесса следует оценивать намерения сторон. До зачатия ребенка договаривающиеся супруги, вероятно, желают стать его родителями. Однако, как только суррогатная мать забеременеет, она сама может выразить намерение стать родителем ребенка. То есть суд будет вынужден иметь дело с изменяющимися намерениями сторон. Каждая сторона, которая заявляет о намерении произвести на свет и воспитать ребенка, может изменить свое мнение после зачатия, в течение беременности и после его рождения.

В то же время реализация намерения сторон может не отвечать *наилучшим интересам ребенка*. Поэтому суду не следует придавать слишком большое значение намерению сторон, не принимая во внимание интересы самого ребенка (Момотов, 2019, с. 31).

На основе доктрины признания намерения за рубежом сформировалась и стала одной из основных *концепция социального родительства*. Например, во все большем числе штатов США лица, воспитывающие детей, с которыми они не связаны биологическим родством, рассматриваются как законные родители (NeJaime, 2020). Признание небιологических связей между родителями и детьми имеет место в различных семьях, включая внебрачные семьи, семьи, образованные с помощью вспомогательной репродукции, и др.

Интересно, что вместо того, чтобы требовать от небιологических родителей каждый

раз прохождения процедуры усыновления, семейное законодательство разработало принципы *социального родительства*, в силу которых лицо признается родителем, когда он выступает в качестве родителя для ребенка и ребенок рассматривает его как родителя (NeJaime, 2015, p. 1288; Хазова, 2022, с. 77–86).

Таким образом, вследствие развития технологий вспомогательной репродукции *намеренное родительство* стало восприниматься в качестве основной концепции: лицо, которое соглашается на вспомогательную репродукцию с намерением стать родителем, рассматривается как законный родитель. Во все большем числе юрисдикций семейное право предоставляет небрологическим родителям возможности для приобретения правового статуса законного родителя: заявления небрологических родителей могут получить преимущество по отношению к заявлению тех лиц, кто имеет биологическую связь с ребенком (Комиссарова, 2022, с. 20).

В развитие рассмотренных выше концепций, а также в соответствии с принципами, изложенными в Конвенции о правах ребенка (Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1989)¹², получила распространение доктрина установления материнства исходя из «наилучших интересов ребенка», суть которой заключается в том, что юридическое материнство должно рассматриваться таким образом, чтобы способствовать наилучшим интересам ребенка, так как в решении данного вопроса возникает ситуация, когда, с одной стороны, дети не могут выбирать своих законных матерей, но, с другой стороны, они больше

всего зависят от того лица, которое право назначает матерью.

Когда ребенок зачат и рожден естественным путем, закон и правоприменитель ограничены в том, чтобы гарантировать, что ребенок получит лучшую мать из возможных. Законодательство не вправе вмешиваться в этот процесс, если только женщина (мать) не подвергает ребенка опасности или не совершает противоправных действий по отношению к нему. Даже женщина, у которой в прошлом было жестокое обращение с детьми или оставление ребенка в роддоме, получает право воспитывать рожденного ребенка, если нет доказательств, указывающих на то, что она и в настоящее время жестоко обращается с ним. Например, довольно много случаев, когда женщина, оставившая первого ребенка в родильном доме, затем становилась матерью других детей и воспитывала их надлежащим образом.

Однако в случаях установления критериев материнства в отношении детей, рожденных в результате вспомогательной репродукции, законодательству следует исходить из необходимости обеспечения наилучших интересов ребенка.

Таким образом, следует признать, что в настоящее время в семейном праве наблюдается известный кризис в формировании целостной и внутренне непротиворечивой доктрины родительства в целом и материнства в частности. Существуют отдельные элементы научных представлений относительно особенностей установления материнства при применении методов вспомогательной репродукции, которые, однако, не способны

¹² ООН. (1989). Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml

выстроить логически последовательную систему выводов и рекомендаций в данной области науки. Юридическая наука отстает в формировании концепции материнства и вынуждена, иногда некритично, заимствовать знания других отраслей науки, включая достижения биологических, медицинских и иных естественнонаучных подходов.

Цель статьи заключается в намерении сформулировать теоретическую конструкцию материнства в семейном праве и придать ей юридически квалифицированное научное описание в виде внутренне непротиворечивой системы логических категорий и юридических конструкций, обеспечивая связь теоретических выводов с действующим законодательством и правоприменительной практикой. Юридическая проблема материнства является многоаспектной, в связи с чем для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач, среди которых: установление критериев материнства и определение правового статуса матери; выявление особенностей защиты прав и интересов рожденного ребенка; исследование особенностей влияния методов вспомогательной репродукции при установлении материнства.

Методология

Исследование базируется на обзоре и анализе положений юридической, биологической, медицинской, социологической наук и изучении эмпирического материала, в том числе материалов судебной практики. Основными методами исследования явились общеправовые методы дедукции (изучение общих правовых положений и их применение к конкретным субъектам родительских правоотношений), индукции (изучение особенностей правового статуса матери и выделение общих принци-

пов установления материнства), анализа, а также специально-юридические методы: формально-юридический, юридического моделирования и метод сравнительного правоведения.

Результаты

Рассматривая проблему определения критериев материнства, следует установить, какие факторы обосновывают признание женщины законной матерью ребенка. Должно ли материнство основываться на генетическом происхождении (принципе крови), намерении стать родителем (принципе веры) или факте рождения ребенка (принципе действия женщины)? В этой связи следует признать, что каждый из этих принципов имеет как свои достоинства, так и недостатки.

В частности, генетическое происхождение (принцип крови) ребенка от своих родителей является для законодателя наиболее приемлемым критерием и формирует так называемое естественное родительство: кровная связь между родителем и ребенком выступает важным фактором семейного воспитания последнего (Акинкина, 2020, с. 104–106). Как для законодателя, так и для правоприменителя использование генетического критерия выглядит логичным и исторически обусловленным, поскольку он согласуется с предыдущим подходом к решению такого рода вопросов и в целом разделяется обществом. Еще Д.И. Мейер отмечал, что: «Мы определили родство как связь между лицами, основанную на происхождении от общего родоначальника, на единстве крови. Но и независимо от единства происхождения иногда законами гражданскими, иногда церковными устанавливаются между несколькими лицами отношения, подобные родству, так

что родство разделяется на кровное, гражданское и духовное. Тем не менее можно сказать, что понятие о родстве исходит из понятия о родстве кровном, ибо родство гражданское и духовное суть только уподобления родству кровному, настоящему» (Мейер, 2021).

Кроме того, выбор генетического принципа родительства стимулирует кровных родственников вместе осуществлять воспитание ребенка, так как средний статистический человек охотнее желал бы воспитать ребенка, зачатого с использованием собственного генетического материала. Так, по данным ВЦИОМ, более половины россиян (63%) согласны с тем, что воспитывать приемного ребенка тяжелее, чем кровного¹³.

Разделяется такой подход и в зарубежных правовых порядках. В частности, в споре Дэвис против Дэвиса Верховный Суд США постановил, что существует фундаментальное право на рождение потомства и фундаментальное право на отказ от рождения потомства. Таким образом, право признает контроль человека по отношению к своему репродуктивному (генетическому) материалу, включая распоряжение им¹⁴.

Применение принципа происхождения, основанного на генетической связи, обосновано и в случаях, когда медицинская

организация по ошибке имплантирует женщине эмбрион, принадлежащий другим супругам¹⁵. По сути, такая женщина становится недобровольной (вынужденной) суррогатной матерью. Поскольку она не передавала генетический материал, используемый для создания эмбриона, такая женщина не имеет генетической связи с ребенком, в связи с чем ее трудно назвать его законной матерью. К сожалению, об отсутствии кровного родства родители могут узнать уже после рождения ребенка, в процессе его воспитания, когда соответствующая привязанность к нему уже возникла. Подобное произошло в деле А. Кардинале и его жены Дафны, которые после процедуры ЭКО стали родителями девочки. Однако по мере взросления ребенка пара поняла, что младенец не похож на них, и прошла генетический тест, который показал, что ребенок им не родной. Оказалось, что в клинике случайно перепутали эмбрионы, и в итоге родителям пришлось поменяться детьми с другой супружеской парой, чтобы каждая семья смогла воссоединиться с родными дочками¹⁶.

Представляет интерес исследование особенностей применения генетического принципа в целях установления происхождения ребенка, когда супруги прибегли к услугам суррогатной матери, но генетическая

¹³ ТАСС. (2022, 19 мая). ВЦИОМ: более 60% россиян уверены, что воспитывать приемного ребенка сложнее, чем кровного. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/14668689>

¹⁴ DAVIS v. DAVIS (305 U.S. 32/59 S.Ct. 3/83 L.Ed. 26). 1938. Available at: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/305/32>

¹⁵ К сожалению, данные случаи не редкость в практике производства ЭКО. Один из примеров: Женщине подменили эмбрион во время ЭКО: эксперт объяснил, как такое возможно (2021, 2 авг.). Док-торПитер. Режим доступа: <https://doctorpiter.ru/zdorove/zhenshine-podmenili-embriion-vo-vremya-eko-ekspert-obyasnil-kak-takoe-vozmozhno-id669840/>

¹⁶ ЭКО-кошмар: в клинике перепутали эмбрионы, и родителям пришлось меняться детьми (2021, 10 нояб.). The Voice mag. Режим доступа: <https://www.thevoicemag.ru/social/crime/eko-koshmar-v-klinike-perепутали-embriiony-i-roditelyam-prishlos-meniyatsya-detmi/>

мать умерла до момента рождения ребенка. Как известно, в соответствии с п. 4 ст. 51 СК РФ¹⁷ суррогатная мать дает согласие на запись матерью ребенка лица, которое ранее выразило согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания. Однако вправе ли она давать такое согласие в отношении умершей женщины?

Возможна также ситуация, когда во время родов или до момента регистрации биологических родителей умирает суррогатная мать. В соответствии со ст. 48 СК РФ¹⁸ матерью ребенка признается женщина, которая его выносила и родила. В такой ситуации высока вероятность того, что ребенок будет зарегистрирован в качестве ребенка суррогатной матери и, таким образом, станет наследником в отношении нее, что может ограничить права других ее наследников по закону.

В этой связи представляется, что законодательству следует отказаться от презумпции материнства суррогатной матери и предусмотреть правило, по которому потенциальные родители (заказчики), заключившие договор суррогатного материнства, должны признаваться родителями ребенка, рожденного суррогатной матерью, за исключением случаев, когда суррогатная мать докажет возникновение особой эмоциональной связи с ребенком и/или недобросовестного поведения потенциальных родителей (Богданова, Белова, 2022, с. 144–145; Богдан, Урда, 2022, с. 633).

В то же время надо признать, что применение исключительно генетического кри-

терия установления материнства не всегда учитывает связь, которая в отдельных случаях развивается у суррогатной матери с ребенком во время беременности.

Кроме того, проживание с человеком генетически одной крови не всегда может быть лучшим выбором для ребенка. Так, Уполномоченный по правам ребенка при президенте России Мария Львова-Белова отметила, что в 2023 г. в стране было совершено 100 тыс. преступлений против несовершеннолетних. При этом она привела цифры, что в 2022 г. 80 детей были убиты собственными родителями¹⁹.

Наличие кровной связи родителя с ребенком не всегда гарантирует, что женщина станет ему хорошей матерью. Безусловно, законодательство не может повлиять на естественную биологическую связь между матерью и ее ребенком, в связи с чем вмешивается в эти отношения только тогда, когда ребенок находится в опасности. В то же время приведенные статистические данные говорят о том, что кровная (генетическая) связь не всегда является наилучшей формой отношений матери и ребенка. Поэтому тезис о том, что женщина должна быть признана законной матерью только потому, что она предоставляет генетический материал, используемый для зачатия ребенка, не всегда отвечает интересам последнего.

В то же время применение современных медицинских технологий, в частности ЭКО, при котором яйцеклетка оплодотворяется вне тела женщины, явилось знаковым

¹⁷ Семейный кодекс Российской Федерации, от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/

¹⁸ Там же.

¹⁹ Гусейнова, И. (2023, 24 нояб.). Нелюди: стало известно, сколько детей в России погибли от рук собственных родителей. Блокнот. Режим доступа: <https://bloknot.ru/obshchestvo/nelyudi-stalo-izvestno-skolko-detej-v-rossii-pogibli-ot-ruk-sobstvennyh-roditelej-1204415.html?ysclid=m1y1qgc2m276918807>

фактором, который поставил под сомнение наличие связи между биологическими признаками материнства — беременностью и генетикой — и его социальной ролью.

Разграничив факторы беременности и генетической связи, вспомогательная репродукция превратила биологическую связь в более сложный маркер родительства. Биологический факт материнства исторически следовал за рождением, но теперь одна женщина могла родить ребенка, генетически связанного с другой женщиной, так как технологии стали причиной появления новых возможностей: донорства яйцеклеток, митохондрий и эмбрионов, суррогатного материнства и др., которые по существу разделили биологическое материнство между двумя, а иногда и тремя (в случае применения митохондриального донорства и суррогатного материнства) женщинами.

Представляется, что надлежащая правовая защита социальных связей в сфере родительства будет более эффективно защищать небιологических матерей: способность женщин разграничивать беременность и материнство тем самым корректирует традиционный подход, который связан прежде всего с воспитанием ребенка. В регулировании применения ВРТ такой подход очень важен для определения материнства, когда биологический факт материнства не отождествляется с социальной ролью матери.

В настоящее время небιологические матери борются за родительское признание, так как они могут восприниматься юридически чужими, даже если они воспитывают ребенка. Представляет интерес спор, кото-

рый стал предметом рассмотрения в суде штата Колорадо (США), суть которого заключалась в том, что супруги воспитывали ребенка, рожденного от внебрачной связи мужа. Когда через два года после рождения ребенка биологическая мать потребовала опеки, супруги заявили, что они являются законными родителями ребенка, и потребовали не признавать биологическую мать в качестве законного родителя. Установленная законом Колорадо презумпция брака предусматривает, что «мужчина считается биологическим отцом ребенка, если ... он и биологическая мать ребенка... состоят в браке и ребенок рождается в браке»²⁰. Рассматривая данное дело, суд постановил, что, хотя «на первый взгляд, данная норма применяется только к определениям отцовства», оно может быть распространено и на определения материнства, заключив, что жена биологического отца может «возбудить иск об установлении своего законного материнства, даже если она не является биологической матерью»²¹.

Таким образом, суд признал социальный путь к родительству в силу «доказательства брака женщины с отцом ребенка». Как полагает в этой связи Д. Неджайме: «Это не означает, что небιологическая мать преобладает над биологической, а скорее, что она просто имеет право заявлять о своем родительстве. В рамках правового режима, который ограничивает родительство двумя лицами, решение суда санкционирует результат, который отдает приоритет социальной связи жены биологического отца над требованием биологической матери» (NeJaime, 2017).

²⁰ Colo. Rev. Stat. § 19-4-105 (2016). Available at: <https://casetext.com/statute/colorado-revised-statutes/title-19-childrens-code/article-4-uniform-parentage-act/section-19-4-105-presumption-of-paternity>

²¹ In re S.N.V., 284 P.3d 147 (2011). Available at: <https://casetext.com/case/catc-v-nmv-in-re-snv/>

В данном деле суд, разрешая спор, пошел в своих рассуждениях относительно социального родительства еще дальше и определил, что материнство может быть также основано на фактах воспитания ребенка в браке с его биологическим родителем. Данный прецедент представляется важным для небιологических родителей (отчима, мачехи) в части возможности признания их законными родителями не в рамках процедуры усыновления, но на основании воспитания ребенка как собственного и нахождения в браке с кровным (биологическим) родителем ребенка.

Таким образом, современные технологии вспомогательной репродукции усложнили подходы к установлению материнства: в настоящее время, женщина может быть законной матерью, когда она рождает ребенка, генетически связанного с другой женщиной (донор яйцеклетки (ооцитов)); женщина может быть законной матерью, когда она генетически связана с ребенком, выношенным другой женщиной (суррогатная мать); и, наконец, в ряде правовых порядков, допускающих применение суррогатного материнства вместе с донорством ооцитов, женщина, заключившая договор о суррогатном материнстве, становится законной матерью ребенка, генетически связанного с другой женщиной (донор ооцитов), выношенным третьей женщиной (суррогатная мать).

В то же время рассмотренные вопросы в большей мере обращены к матери, а не к рожденному ребенку. Критический анализ приведенных выше принципов установления материнства демонстрирует, что ни один из них самостоятельно не способен привести к достижению основной цели – определению наилучшей матери для ребенка. Каждая из перечисленных концепций, используемых для установле-

ния материнства, имеет как свои преимущества, так и недостатки. В частности, основной из таких недостатков заключается в том, что применение обозначенных критериев недостаточно учитывает интересы самого ребенка. Например, в случае, когда ребенок привязан к воспитавшему его небιологическому родителю.

В этой связи, в целях обеспечения как интересов ребенка, так и его небιологического родителя, представляется целесообразным установить правило, что лицо, состоящее в браке с генетическим родителем на момент рождения ребенка, может требовать признания себя законным родителем ребенка, если оно осуществляет функцию воспитания по отношению к такому ребенку и открыто признает себя его родителем.

Дискуссия

Следует отметить, что идея социального родительства и признания прав небιологического родителя (матери) не является однозначно признанной.

Сегодня обществу и государству предстоит решить принципиальный вопрос, который будет иметь существенные социальные последствия: какими принципами руководствоваться при установлении родительства в целом и материнства в частности.

С одной стороны, право должно развиваться в направлении принятия современной реальности понимания семьи в обществе. В то же время по-прежнему сохраняется четкий акцент на продвижении традиционно укоренившейся концепции установления родительских отношений на основе генетического принципа, когда наличие кровного родства между матерью и ребенком признается как единственное возможное основание возникновения пра-

воотношений между ними (Ульянова, 2024, с. 115; Douglas, Devolder, 2019, с. 54–59).

С другой стороны, многие понимают, что такой подход по мере развития технологий вспомогательной репродукции и других факторов, вследствие которых функции воспитания ребенка осуществляет небиологический родитель, постепенно устаревает (Комиссарова, 2022, с. 23; Усачева, 2019, с. 116), и позиция, что интересы ребенка и его родителей требуют обеспечения уверенности детей в наличии кровного генетического родства с родителями и естественности своего происхождения (Микрюков, 2021), в современном обществе уже начинает вызывать сомнения в своей адекватности меняющимся общественным отношениям.

В настоящее время развитие биомедицинских технологий и необходимость учета эволюции института семьи вызывают потребность в новой парадигме родительского правоотношения в целом, в которой права как социального, так и биологического родителя могли бы быть надлежащим образом признаны и определены. Это могло бы устранить изжившие себя подходы, которые в настоящее время в известной мере препятствуют развитию института семьи. Родительство в целом и материнство в частности представляли бы собой юридически признанные отношения, сформированные из намерения субъектов признавать себя родителем конкретного ребенка. Это было бы прогрессивным шагом в корректировке подхода к пониманию сути родительского отношения, чтобы признать поворот в сторону тех родителей, которые могут не иметь генетической связи с ребенком, но которые во всех остальных смыслах выполняют роль биологического родителя. Таким образом, законодательству следует более внимательно относиться к признанию прав тех, кто

намерен действовать как родитель в наилучших интересах ребенка, нежели тех лиц, кто просто имеет с ребенком генетическую связь.

Заключение

На основе проведенного исследования отношений в сфере установления материнства можно сделать ряд выводов.

1. В настоящее время в семейном праве наблюдается известный кризис в формировании целостной и внутренне непротиворечивой доктрины родительства в целом и материнства в частности. Существуют отдельные элементы научных представлений относительно особенностей установления материнства при применении методов вспомогательной репродукции, которые, однако, не способны выстроить логически последовательную систему выводов и рекомендаций в данной области науки. Таким образом, юридическая наука отстает в формировании концепции материнства и нуждается в определенном консенсусе по данной проблеме, так как отсутствие критериев определения материнства вызывает существенные затруднения в применении вспомогательных репродуктивных технологий и в ряде случаев приводит к нарушению прав и интересов участников семейных правоотношений.

2. Существующие доктринальные подходы предлагают основываться на различных критериях при установлении материнства: должно ли материнство основываться на генетическом происхождении (принципе крови), намерении стать родителем (принципе веры) или факте рождения ребенка (принципе действия женщины).

В этой связи следует признать, что на данном этапе развития семейных отношений лица, воспитывающие детей, с которыми они не связаны биологическим (генетиче-

ским) родством, во все большем количестве случаев рассматриваются как законные родители, включая семьи, образованные с помощью вспомогательной репродукции. Однако вместо того, чтобы распространять на небологических родителей процедуру усыновления, семейное законодательство разработало принцип родительского признания, который в большей мере учитывает социальные критерии. Таким образом, в последнее время именно доктрина социального родительства стала наиболее актуальной и получила широкое распространение.

3. Современные технологии вспомогательной репродукции значительно усложнили подходы к установлению материнства. В то же время следует признать, что рассмотренные проблемы в большей мере обращены к матери, а не к рожденному ею ребенку. Критический анализ существующих критериев установления материнства демонстрирует, что ни один из них самостоятельно не способен привести к достижению их основной цели – определению наилучшей матери для ребенка. Каждая из перечисленных концепций, используемых для установления материнства, имеет как свои преимущества, так и недостатки, причем основной из таких недостатков заключается в том, что применение обозначенных критериев в недостаточном объеме учитывает интересы самого ребенка.

В этой связи в целях обеспечения интересов как ребенка, так и его небологического родителя представляется целесообразным установить правило, что лицо, состоящее в браке с генетическим родителем на момент рождения ребенка, вправе требовать признания себя законным родителем ребенка, если оно осуществляет функцию воспитания по отношению к такому ребенку и открыто признает себя его родителем.

4. В связи с приведенными выше выводами можно признать, что развитие биомедицинских технологий и необходимость учета эволюции института семьи вызывают потребность в новой парадигме родительского правоотношения, в которой права как социального, так и биологического родителя могли бы быть надлежащим образом признаны и определены.

Таким образом, родительство в целом и материнство в частности представляли бы собой юридически легитимизированные отношения, сформированные из намерения субъектов признавать себя родителем конкретного ребенка. Это было бы шагом навстречу тем родителям, которые не имеют генетической связи с ребенком, но во всех остальных смыслах выполняют роль биологического родителя.

Ограничения

В рамках проведенного исследования была сформулирована теоретическая конструкция материнства в семейном праве; при этом был проведен анализ особенностей влияния методов вспомогательной репродукции при установлении материнства, рассмотрены проблемы выработки критериев материнства и определения правового статуса матери с учетом необходимости обеспечения интересов рожденного ребенка.

Объем настоящего исследования не позволил более детально рассмотреть проблемы родительства в целом, в том числе особенности подходов к установлению отцовства, а также трансформации отдельных институтов семейного права под влиянием развития биомедицинских технологий, в связи с чем в дальнейшем предполагается продолжение работы в данном направлении.

Следующими важными задачами являются определение конкретных шагов для российского законодателя и право-

применителя в направлении повышения эффективности механизмов защиты прав участников отношений в сфере применения вспомогательных репродуктивных технологий, а также формирование новых и пересмотр действующих правовых норм, регулирующих общественные взаимосвязи

при установлении родительских отношений; выработка предложений по детализации российского законодательства в связи с развитием новейших биомедицинских технологий и необходимостью трансформации отдельных институтов семейного права в условиях современных вызовов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акинкина, Я.М. (2020). Принципы «естественного родительства» в современных семьях. *Современная зарубежная психология*, 9(4), 103–109. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090409>
- Алборов, С.В. (2019). *Правовое и индивидуальное регулирование суррогатного материнства*. (Диссертация, Российский государственный университет правосудия, Москва). Москва.
- Ахматьянова, В.А., Сагитова, И.Ф. (2018). Вспомогательные репродуктивные технологии в России: вопросы права. *Бизнес. Образование, Право. Вестник Волгоградского института бизнеса*, 3(44)), 318–323. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2018.44.327>
- Богдан, В.В., Урда, М.Н. (2022). Суррогатное материнство & торговля людьми: межотраслевой конфликт. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, (58), 628–657. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-58-628-657>
- Богданова, Е.Е., Белова, Д.А. (2022). *Искусственная репродукция человека: поиск оптимальной модели правового регулирования*. Москва: Проспект.
- Дикова, И.А. (2008). К вопросу о субъектах правоотношений в сфере применения вспомогательных репродуктивных технологий, *Юрист*, (11), 46–51.
- Кириченко, К.А. (2011) О двух подходах к пониманию правовой сущности вспомогательных репродуктивных технологий. *Медицинское право*, 3(37), 35–40.
- Комиссарова, Е.Г. (2022). Родительство как семейно-правовое явление: теоретический взгляд на действующие нормативные истоки. *Lex russica*, 75(6), 20–35. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.187.6.020-035>
- Мейер, Д.И. (2021). *Русское гражданское право*. Москва: Статут.
- Микрюков, В.А. (2021). *Аналогия закона и аналогия права в практике разрешения семейно-правовых споров*. Москва: Статут.
- Михневич, А.В., Самойлова, В.В. (2020). Правовые основания применения вспомогательных репродуктивных технологий как разновидности биомедицинских технологий. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, (5–4), 91–96. Режим доступа: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2021/08/Mihnevich2.pdf>
- Момотов, В.В. (2019). Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (суррогатное материнство). *Lex russica*, (1), 29–39. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.146.1.029-039>
- Некрасова, Е.В. (2019). Некоторые особенности возникновения родительских прав и обязанностей в странах Европы. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*, 5(71)(4), 298–303.
- Працко, Г.С., Арутюнова, А.А. (2017). К оценке достаточности правового обеспечения вспомогательных репродуктивных технологий и суррогатного материнства. *Теория и практика общественного развития*, (8), 56–59. <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.8.11>
- Свитнев, К.Н. (2008). Нужен ли закон о ВРТ? Вспомогательные репродуктивные технологии и их правовое регулирование. В: *Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы II Всероссийской научной конференции (Москва, 15 ноября 2007 г.)* (с. 819–825). Москва: Научный эксперт.

- Спиридонов, Д.В., Полякова, И.Г. (2024). Феномен отложенного материнства и вспомогательные репродуктивные технологии: социально-экономические и демографические аспекты. *Мир России*, 33(3), 75–98. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-3-75-98>
- Ульянова, М.В. (2024). Осуществление семейных прав и исполнение обязанностей в структуре семейного правоотношения. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, 1(63), 112–133. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2024-63-112-133>
- Усачева, Е.А. (2019). Социальное отцовство (материнство): постановка проблемы. *Российский юридический журнал*, (6), 115–120.
- Хазова, О.А. (2022). Понятие социального родительства в контексте российского семейного права. *Закон*, (1), 77–86.
- Чернова, Ж.В., Шпаковская, Л.Л. (2023). *Путевка в жизнь: социологическое эссе об образовании, классовом неравенстве и социальном исключении в России*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Dorfman, D. (2016). Surrogate parenthood: Between genetics and intent. *Journal of Law and the Biosciences*, 3(2), 404–412. <https://doi.org/10.1093/jlb/lsw017>
- Douglas, T., Devolder, K. (2019). A conception of genetic parenthood. *Bioethics*, 33(1), 54–59. <https://doi.org/10.1111/bioe.12493>
- Gostin, L.O. (2001). Surrogacy from the Perspectives of Economic and Civil Liberties. *Journal of Contemporary Health Law and Policy*, 17(2), 429–431. Available at: <https://scholarship.law.georgetown.edu/facpub/1815>
- Horsey, K. (2017). Challenging presumptions: legal parenthood and surrogacy arrangements. In: *Parental Rights and Responsibilities* (pp. 287–312). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315090085-15>
- Lewis, B.C. (2010). Three Lies and a Truth: Adjudicating Maternity in Surrogacy Disputes. Cleveland-Marshall Legal Studies Paper No. 10-193. SSRN *Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1661921>
- Mills, C. (2021). Nuclear families: mitochondrial replacement techniques and the regulation of parenthood. *Science, Technology, & Human Values*, 46(3), 507–527. <https://doi.org/10.1177/0162243920934542>
- NeJaime, D. (2015). Marriage equality and the new parenthood. *Harvard Law Review*, 5(129), 1185–1266. Available at: <https://harvardlawreview.org/wp-content/uploads/2016/03/1185-1266-Online.pdf>
- NeJaime, D. (2017). The Nature of Parenthood. *Yale Law Journal*, 126(8), 2260–2449. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2990640>
- NeJaime, D. (2020). The Constitution of Parenthood. *Stanford Law Review*, 72, 261–380. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3446018>
- Shultz, M.M. (1990). Reproductive technology and intent-based parenthood: an opportunity for gender neutrality. *Wisconsin Law Review*, (2), 297–398.

REFERENCES

- Akhmatyanova, V.A., Sagitova, I.F. (2018). Auxiliary reproductive technologies in Russia: issues of law. *Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute*, 3(44), 318–323. (In Russ.). <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2018.44.327>
- Akinkina, Y.M. (2020). Principles of «natural parenthood» in modern families. 9(4), 103–109. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 9(4), 103–109. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090409>
- Alborov, S.V. (2019). *Legal and individual regulation of surrogacy*. (Dissertation, Russian State University of Justice, Moscow). Moscow. (In Russ.).
- Bogdan, V.V., Urda, M.N. (2022). Surrogacy & Human Trafficking: Interbranch Conflict. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, (58), 628–657. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-58-628-657>

- Bogdanova, E.E., Belova, D.A. (2022). *Artificial human reproduction: the search for an optimal model of legal regulation*. Moscow: Prospect Publ. (In Russ.).
- Chernova, J.V., Shpakovskaya, L.L. (2023). *A Start in Life: a Sociological Essay on Education, Class Inequality, and Social Exclusion in Russia*. St. Petersburg: Press of the European University at St. Petersburg. (In Russ.).
- Dikova, I.A. (2008). On the issue of subjects of legal relations in the sphere of application of assisted reproductive technologies. *Jurist*, (11), 46–51. (In Russ.).
- Dorfman, D. (2016). Surrogate parenthood: Between genetics and intent. *Journal of Law and the Biosciences*, 3(2), 404–412. <https://doi.org/10.1093/jlb/lsw017>
- Douglas, T., Devolder, K. (2019). A conception of genetic parenthood. *Bioethics*, 33(1), 54–59. <https://doi.org/10.1111/bioe.12493>
- Gostin, L.O. (2001). Surrogacy from the Perspectives of Economic and Civil Liberties. *Journal of Contemporary Health Law and Policy*, 17(2), 429–431. <https://scholarship.law.georgetown.edu/facpub/1815>
- Horsey, K. (2017). Challenging presumptions: legal parenthood and surrogacy arrangements. In: *Parental Rights and Responsibilities* (pp. 287–312). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315090085-15>
- Khazova, O.A. (2022). The Concept of Social Parenthood in The Context of Russian Family Law. *Zakon*, (1), 77–86. (In Russ.).
- Kirichenko, K.A. (2011) Two approaches to understanding the legal essence of assisted reproductive technologies. *Medical Law*, 3(37), 35–40. (In Russ.).
- Komissarova, E.G. (2022). Parenthood as a Family Law Phenomenon: a Theoretical Look at the Current Normative Origins. *Lex Russica*, 75(6), 20–35. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.187.6.020-035>
- Lewis, B.C. (2010). Three Lies and a Truth: Adjudicating Maternity in Surrogacy Disputes. Cleveland-Marshall Legal Studies Paper No. 10-193. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1661921>
- Meyer, D.I. (2021). Russian Civil Law. Moscow: Statut Publ. (In Russ.).
- Mikhnevich, A.V., Samoilova, V.V. (2020). Legal grounds for the application of auxiliary reproductive technologies as a variety of biomedical technologies. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, (5-4), 91–96. Available at: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2021/08/Mihnevich2.pdf>. (In Russ.).
- Mikryukov, V.A. (2021). *Analogy of law in the practice of resolving family law disputes*. Moscow: Statut Publ. (In Russ.).
- Mills, C. (2021). Nuclear families: mitochondrial replacement techniques and the regulation of parenthood. *Science, Technology, & Human Values*, 46(3), 507–527. <https://doi.org/10.1177/0162243920934542>
- Momotov, V.V. (2019). Bioethics in the Context of Law-Making and Law Enforcement (Surrogate Motherhood). *Lex Russica*, (1), 29–39. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.146.1.029-039>
- Nejaime, D. (2015). Marriage equality and the new parenthood. *Harvard Law Review*, 5(129), 1185–1266. <https://harvardlawreview.org/wp-content/uploads/2016/03/1185-1266-Online.pdf>
- Nejaime, D. (2017). The Nature of Parenthood. *Yale Law Journal*, 126(8), 2260–2449. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2990640>
- Nejaime, D. (2020). The Constitution of Parenthood. *Stanford Law Review*, 72, 261–380. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3446018>
- Nekrasova, E.V. (2019). Some Features of the Emergence of Parental Rights and Responsibilities in European Countries. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science*, 5(71) (3), 294–298. (In Russ.).
- Shultz, M. M. (1990). Reproductive technology and intent-based parenthood: an opportunity for gender neutrality. *Wisconsin Law Review*, (2), 297–398.
- Spiridonov, D.V., Polyakova, I.G. (2024). The Postponement of Childbearing and Assisted Reproductive Technologies: Socio-economic and Demographic Aspects. *Universe of Russia*, 33(3), 75–98 (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-3-75-98>

- Svitnev, K.N. (2008). Is a law on ART needed? Assisted reproductive technologies and their legal regulation. In: *National identity of Russia and the demographic crisis. Materials of the II All-Russian Scientific Conference* (Moscow, November 15, 2007) (pp. 819–825). Moscow: Nauchnyi ekspert Publ. (In Russ.).
- Ulianova, M.V. (2024). The Exercise of Family Rights and Performance of Obligations in the Structure of Family Legal Relations. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 1(63), 112–133. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2024-63-112-133>
- Usacheva, E.A. (2019) Social fatherhood (motherhood): statement of the problem. *Russian Juridical Journal*, (6), 115–120. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Елена Е. Богданова, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры семейного и жилищного права, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Российская Федерация

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Elena E. Bogdanova, Doctor of Science (Law), Professor, Professor of the Department of Family and Housing Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation